

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

1955, том XIV, вып. 2

март — апрель

Э. В. СЕВОРТЯН

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ТЮРКОЛОГИИ

(Памяти Н. К. Дмитриева)

22 декабря 1954 г. после непродолжительной болезни скончался выдающийся советский востоковед-тюрколог, член-корреспондент Академии наук СССР, действительный член Академии педагогических наук РСФСР, заслуженный деятель науки Туркменской ССР, Башкирской АССР, Чувашской АССР, доктор филологических наук, профессор Николай Константинович Дмитриев. Из рядов советских востоковедов навсегда ушел один из блестящих представителей послеоктябрьской плеяды советских ученых, чьи труды умножили славу и высоко подняли авторитет советской науки во всем мире.

Н. К. Дмитриев родился 28 августа 1898 г. в Москве, в семье служащего. В 1916 г., окончив с золотой медалью 3-ю Московскую гимназию, он поступил на Историко-филологический факультет Московского университета, а в 1918 г. параллельно в Лазаревский переднеазиатский институт (сменивший дореволюционный Лазаревский институт восточных языков). В 1920 г. Н. К. Дмитриев окончил Московский университет, а в 1922 г. — Переднеазиатский институт (переименованный к этому времени в Институт востоковедения им. Н. Нариманова) по трем разрядам — турецкому, персидскому и арабскому. Крупное филологическое дарование Н. К. Дмитриева способствовало одновременным занятиям многочисленными языками различных семей. За годы пребывания в названных учебных заведениях Н. К. Дмитриев основательно изучил классические языки, сербский, болгарский, новогреческий, армянский, румынский, арабский, персидский, пехлеви, сирийский, турецкий, татарский, башкирский и казахский, не говоря о главнейших европейских языках (французском, немецком, английском и итальянском), на которых Н. К. Дмитриев публиковал некоторые свои научные труды. В студенческие же годы начались первые опыты Н. К. Дмитриева в области славистики и затем тюркологии (первоначального турецкого языка) под руководством его учителя, крупнейшего советского востоковеда и тюрколога акад. В. А. Гордлевского. Уже в первых своих печатных работах Н. К. Дмитриев выступает в качестве вполне зрелого и широко эрудированного тюрколога.

Н. К. Дмитриев вступил в науку в ту эпоху, когда советская тюркология и востоковедение делали лишь свои первые шаги, когда только еще складывалось национальное языкознание на местах.

Пройдя превосходную востоковедческую школу под руководством выдающихся ориенталистов, деятельность которых началась задолго до Октябрьской социалистической революции, Н. К. Дмитриев перенес на советскую почву лучшие традиции и наиболее передовые приемы русской тюркологии дореволюционной поры.

Лингвистические взгляды Н. К. Дмитриева сложились под влиянием идей школы В. В. Радлова, в том их преломлении, какое получили они в трудах блестящего представителя этой школы — П. М. Мелиоранского. И строгость приемов научного исследования и доказательств, и строго

лингвистический взгляд на языковые факты, наконец, последовательный историзм в трудах Н. К. Дмитриева — все это берет свое начало в научном стиле П. М. Мелиоранского, к трудам которого Н. К. Дмитриев питал глубокое уважение.

Однако в научную методику П. М. Мелиоранского Н. К. Дмитриев внес и новый момент — семантику грамматической формы, что в старых грамматических работах тюркологического порядка находилось в тени и значение чего по достоинству было оценено лишь в советском востоковедении. Подчеркнутое внимание к этой стороне грамматических явлений имело своим непосредственным результатом перемещение центра тяжести исследований в область грамматических категорий. Это нашло свое конкретное выражение как в исследованиях по отдельным вопросам, так и в схеме описательной грамматики тюркских языков, которая в основных чертах была выработана Н. К. Дмитриевым уже к 30-м годам в его многочисленных лекционных курсах и широко распространилась затем в практике тюркологической работы и составления грамматик как в центре, так и на местах.

В отличие от ряда своих современников, Н. К. Дмитриев в этой схеме избежал довольно распространенного в 30-х годах смещения грамматических и лексических явлений, преувеличения роли семантической стороны языковых явлений в ущерб другим их сторонам.

Диапазон научных интересов Н. К. Дмитриева был весьма широк. Он определился в самом начале его деятельности, когда в сферу научных устремлений ученого почти одновременно начали входить турецкий, татарский, башкирский, гагаузский, кумыкский, азербайджанский, туркменский и другие языки обширной тюркской семьи, вскоре ставшие предметом его непосредственной специальности. Многогранность и широта научных интересов не привели, однако, к распылению сил выдающегося ученого, но, наоборот, были подчинены одной главной задаче его жизни: укреплению и развитию советского тюркского языкознания на местах, дальнейшему усилению ведущего положения отечественной тюркологии в мировой науке.

Н. К. Дмитриев был убежденным сторонником теории генетического единства тюркских языков. Став на эту точку зрения еще на заре своей исследовательской деятельности, он неизменно отстаивал ее словом и делом, ни разу не изменив ей. Тщательно и скрупулезно отмечая с присущим ему чутьем и острой наблюдательностью своеобразные черты исследуемого конкретного языка, он вместе с тем не уклонялся от поставленной им перед собой общетюркологической задачи: вскрывать в каждом тюркском языке типичные черты и свойства, характеризующие генетическое и структурное единство тюркских языков. Отсюда обращение к сравнительному и сравнительно-историческому методам, как основным приемам изучения строя тюркских языков; отсюда же синтетический подход к проблемам тюркологии, которым и следует объяснить большое внутреннее единство его тематически разнообразных исследований, посвященных языкам тюркской группы.

В годы, когда начиналась усиленная пропаганда идей Н. Я. Марра, когда часть тюркологов находилась под впечатлением мыслей, навеянных брошюрой Н. Я. Марра «О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье», Н. К. Дмитриев дал свой ответ на эту брошюру, заявив, что «говорить о каких-либо принципиальных сдвигах в самом строе турецкого языка пока никаких оснований нет»¹. Н. К. Дмитриев оставался неизменно чуждым попыткам вскрыть в тюркских языках факты всякого рода «стадиальных перестроек», попыткам найти в тюркских языках флексию, префиксацию² и т. д., чего не избежали и некоторые вполне

¹ «Строй турецкого языка», Л., 1939, стр. 5.

² Там же, стр. 24—25.

компетентные зарубежные тюркологи (например, Ж. Дени в вопросе о префиксах в тюркских языках).

Вместе с тем Н. К. Дмитриеву был глубоко присущ исторический взгляд на языковые явления, и даже там, где мы не найдем прямых ссылок на древнейшие факты исследуемого им языка или сравнительные данные других тюркских языков, исторический подтекст исследования воспринимается легко из хода рассуждений автора.

Н. К. Дмитриев был глубоким знатоком как морфологии, так и синтаксиса, как фонетики, так и лексикологии, как диалектологии, так и истории тюркских языков.

Из вопросов морфологии внимание Н. К. Дмитриева неоднократно привлекала к себе категория принадлежности. Здесь им было выдвинуто положение об абстрактной и конкретной принадлежности (типа «моя книга» и «книга моя»), впервые сформулированное в «Грамматике кумыкского языка». Продолжая наблюдения, начатые акад. В. А. Гордлевским в области турецких указательных местоимений, Н. К. Дмитриев пришел к выводу, согласно которому трехчленный ряд указательных местоимений (*бу* «этот», *шу* «этот», *о* «тот») в некоторых тюркских языках следует рассматривать в качестве синтеза двух рядов: пространственного (*бу* «этот» — *о* «тот») и временного (*бу* «вышеупомянутый» — *шу* «нижеследующий»)³. Через двадцать лет Н. К. Дмитриев вновь вернулся к этой теме, на этот раз на материале башкирского языка⁴, установив в последнем принципиально иную в сравнении с турецким систему семантических отношений между парами указательных местоимений.

Дальнейшее развитие выдвинутых им соображений относительно трехчленного ряда указательных местоимений в турецком языке привело Н. К. Дмитриева к новой трактовке вопроса о пространственных наречиях в турецком языке, по мнению ученого — морфологически не дифференцированных от указательных местоимений и образующих от последних своего рода местоименные существительные конкретного и абстрактного значения, пространственные падежные формы которых соответствуют русским наречиям места.

Н. К. Дмитриев не раз обращался к вопросам словообразования в тюркских языках. Особенное его внимание привлекали парные слова — одна из древнейших и устойчивых категорий тюркских языков. Продолжая исследование проблемы парных слов, начатые К. Фоем на материале турецкого языка, Н. К. Дмитриев изучил эту категорию в башкирском языке⁵. Исследование Н. К. Дмитриева значительно обогатило представления тюркологов о типах парных слов и внесло много существенных дополнений в классификацию парных слов, намеченную К. Фоем. Вопросам словообразования посвящена также статья относительно аффикса *-ган* в турецком языке⁶, не считая соответствующих разделов в грамматиках кумыкского, башкирского и турецкого языков.

В последние годы внимание Н. К. Дмитриева особенно привлекал вопрос об отношении тюркских языков к категории грамматического рода. Тема эта отчасти выдвинулась в ходе занятий Н. К. Дмитриева вопросами методики преподавания русского языка в тюркской аудитории и тюркских языков в русской аудитории. С другой стороны, она имела самостоятельный интерес и привлекла к себе внимание еще раньше, во время изучения Н. К. Дмитриевым материалов В. Мошкова по гагаузскому языку⁷. После Отечественной войны Н. К. Дмитриев выступил со сле-

³ «Указательные местоимения в османском языке», ДАН-В, 1926, июль-август.

⁴ «Об указательных местоимениях в башкирском языке». «Труды МИВ», сб. № 4, посвящ. акад. В. А. Гордлевскому, М., 1947.

⁵ «О парных словосочетаниях в башкирском языке», «Изв. АН. СССР, серия VII, Отд. гуманитар. наук», Л., 1930.

⁶ Аффикс *gan* в ново-османском языке, ДАН-В, май — июнь, 1926.

⁷ «Гагаузские этюды», «Уч. зап. ЛГУ», № 20, серия филол. наук, вып. 1, Л., 1939.

циальной статьей по этому вопросу на материале азербайджанского языка⁸, выдвинув мысль о наличии пережитков или намеков на грамматический род в современных тюркских языках.

Специальные исследования Н. К. Дмитриева были посвящены подражательным словам, составляющим одну из специфических категорий тюркских языков⁹. В них автор осветил морфологическую структуру подражательных слов, что в дальнейшем было широко учтено составителями грамматик тюркских языков и прочно вошло в практику теоретической и прикладной тюркологии.

Много раз привлекали внимание покойного ученого морфологические категории глагола. Одной из первых работ, относящихся к этой теме, была его статья, посвященная трудному и в некоторых отношениях запутанному вопросу о турецком прошедшем времени на *-miş*¹⁰. Но особенно важное значение имело освещение того же вопроса на материале кумыкского и башкирского языков, где южнотюркской форме на *-мыш* соответствует форма на *-ган*.

Н. К. Дмитриеву принадлежит новая после акад. Ф. Е. Корша разработка вопроса об общетюркском будущем времени на *-р...*, в которой, по мнению Н. К. Дмитриева, совпали формы собственно будущего и настоящего (типа английского *I take*) времен¹¹.

Н. К. Дмитриев много занимался условными формами в тюркских языках. Развивая положения, сформулированные в книге акад. В. А. Гордлевского¹², в подготовке которой Н. К. Дмитриев принимал участие (см. предисловие к книге), он установил наличие обеих условных форм — условного наклонения и условной модальности и в ряде других тюркских языков, выяснив, таким образом, общетюркский характер этих глагольных категорий. Наблюдения Н. К. Дмитриева в области условных форм были изложены им в «Грамматике кумыкского языка» и окончательно сформулированы в «Грамматике башкирского языка».

В связи с кумыкским языком было дано также одно из первых по времени появления и наиболее стройное описание системы форм, соответствующих русским глагольным видам¹³. С некоторыми добавлениями схема глагольных видов Н. К. Дмитриева впоследствии неоднократно повторялась в тюркологических работах и в настоящее время должна считаться наиболее распространенной.

Большое внимание уделил Н. К. Дмитриев актуальным проблемам синтаксиса тюркских языков, из числа которых в первую очередь должна быть названа проблема придаточного предложения. Занимаясь изучением этой проблемы, Н. К. Дмитриев высказал целый ряд совершенно новых и оригинальных положений.

Много нового внес в понимание служебных имен теоретический анализ этой категории морфологизованных слов, данный Н. К. Дмитриевым в его статье «Служебные имена в турецком языке»¹⁴, положения которой были в дальнейшем проверены и подтверждены на материале других тюркских языков. Н. К. Дмитриев определил место служебных имен в структуре тюркских языков и выяснил сферу их действия. Особенно

⁸ «О категории грамматического рода в азербайджанском языке», «Изв. Акад. пед. наук РСФСР», 40, М., 1952.

⁹ N. K. D m i t r i j e v, Beiträge zur osmanischen Mimologie, WZKM, Bd. XXXIV, 1 und 4 Hft., 1927; см. также N. K. D m i t r i j e v, Skizze der südtürkischen Mimologie, WZKM, Bd. XXXVI, 1 und 2 Hft., 1929.

¹⁰ «К вопросу о значении османской глагольной формы на «мыш», ЗКВ, т. II; вып. 1, 1926.

¹¹ «Грамматика кумыкского языка», стр. 97—101.

¹² В. А. Гордлевский, Грамматика турецкого языка, М., 1928.

¹³ «Очерки по кумыкскому синтаксису», «Языки Северного Кавказа и Дагестана», М.—Л., 1935. Наиболее полное изложение вопроса см. в грамматиках кумыкского и башкирского языков.

¹⁴ «Советское языкознание», т. III, Л., 1937.

важным является в исследовании семасиологический анализ служебных имен, как выразителей пространственных отношений, для понимания которых существенное значение имело указание Н. К. Дмитриева на наличие в турецком языке дублетных пар служебных имен.

В трудах ученого была наиболее полно обоснована и разработана категория определенности и неопределенности имен, мало привлекавшая раньше внимание тюркологов. Впервые свои соображения по этому предмету Н. К. Дмитриев высказал в брошюре «Строй турецкого языка», подробно развив затем свои положения в «Грамматике кумыкского языка» и окончательно сформулировав их в «Грамматике башкирского языка».

Столь же обстоятельное освещение получил в исследованиях ученого также вопрос об определительном сочетании существительных (так называемый тюркский «изафет»). В отличие от Ж. Дени, который специально касался этой темы в своей известной грамматике, Н. К. Дмитриев перенес центр тяжести исследования в область грамматических значений всех трех типов определительного сочетания существительных и их исторических соотношений.

Новым и принципиально важным из области синтаксических наблюдений Н. К. Дмитриева были установленные им соотносительность порядка слов в тюркском предложении, членение предложения с этой точки зрения на комплексы, грамматическая и стилистическая функции порядка слов.

Н. К. Дмитриеву принадлежит инициатива в борьбе с некоторыми заблуждениями, мешавшими порой правильному пониманию специфических явлений тюркских языков. К примерам подобной борьбы относится упорно отстаивавшееся ученым положение о субстанциональном значении первого члена в определительных сочетаниях существительных типа *таш Ый*, дословно «камень-дом», т. е. «каменный дом», *алтын саат* дословно «золото-часы», т. е. «золотые часы», и т. п., первые члены которых нередко разъясняются как имена прилагательные, откуда некоторыми тюркологами выдвигалось мало обоснованное положение относительно широкого якобы развития в тюркских языках омонимии типа *таш* «камень» — *таш* «каменный» и т. п.

Значителен вклад, внесенный Н. К. Дмитриевым в вопросы фонетики тюркских языков.

После В. В. Радлова и В. А. Богородицкого Н. К. Дмитриев предложил новую, более уточненную характеристику и формулировку соотношений нёбного и губного сингармонизма гласных, указав на подчиненный характер второго из них.

Весьма важным явилось положение Н. К. Дмитриева о фонетической изменчивости корня в тюркских языках, выдвинутое им в качестве поправки к известному тезису старой тюркологии, согласно которому корень в языках тюркской группы является величиной неизменной.

Н. К. Дмитриеву принадлежит также положение о грамматической роли словесного ударения, служащего дифференциации оморфных категорий (типа *алма* «взятие» и *алма!* «не бери!»). Едва лишь намеченное в «Фонетике» В. В. Радлова и не получившее дальнейшего развития в тюркологических трудах у нас и за рубежом положение о морфологической роли ударения, обоснованное Н. К. Дмитриевым на материале турецкого языка, вскоре было проверено им и другими в различных тюркских языках и получило признание в советской тюркологии. Аналогичные попытки, делавшиеся на Западе после выхода в свет брошюры «Строй турецкого языка», где изложен данный вопрос, ограничились лишь частностями, не затронув всего вопроса в целом¹⁵.

¹⁵ Herbert W. Duda, Zu Björn Collinder's osmanisch-türkischen Lautstudien, ZDMG, Bd. 94, Hft. 1 (Neue Folge, Bd. 19), Leipzig, 1940.

Важны были наблюдения Н. К. Дмитриева и по более мелким вопросам фонетики тюркских языков, каковы, например, его статьи относительно общетюркского *p*¹⁶ и особенно межзубных *s* и *z* в некоторых из современных тюркских языков¹⁷.

Крупное место в трудах Н. К. Дмитриева занимают вопросы лексикологии. Интерес к этому разделу тюркского языкознания наметился уже в первых его работах, когда он выступил со статьей относительно этимологии турецкого слова *lakırdı*¹⁸, за которой последовали работы по лексике башкирского языка, тюркским заимствованиям в славянских языках и т. д.

Новое в исследованиях Н. К. Дмитриева, относящихся к проблеме тюркских заимствований в славянских языках и в первую очередь в русском, заключается в выяснении времени, условий и путей проникновения этих заимствований в русский и славянские языки. Нельзя сказать, чтобы в лексикологических исследованиях дооктябрьской тюркологии не обращалось внимания на эту сторону проблемы о заимствованиях. Однако тюрколога дооктябрьской поры прежде всего занимал вопрос — заимствовано ли исследуемое слово, например, в русском из тюркских языков вообще или из иных языковых семей; каковы первоначальные значения заимствованного слова и его значения в заимствующем языке. Вопрос считался решенным, если выяснялось вообще тюркское происхождение данного слова, семантически совпадающего в целом со своим предполагаемым прототипом.

В исследованиях Н. К. Дмитриева был сделан следующий шаг в изучении проблемы заимствований и выдвинуты задачи: 1) установить более конкретный источник заимствования и 2) определить время, пути и условия, в которых протекало заимствование¹⁹. Из работ, относящихся к данной области или затрагивающих ее, могут быть названы: «Турецкие лексические элементы в номенклатуре соколов царя Алексея Михайловича»²⁰, «Турецкие элементы в русских арга», где выяснены этимологии многих русских арготизмов тюркского происхождения по материалам Б. А. Ларина и В. И. Чернышева. Статья, помимо целого ряда удачных этимологических находок, важна в принципиальном отношении, так как здесь изложены общие соображения и установки автора в области лексикологических разысканий, касающихся тюркизмов в русском и славянских языках.

В упоминавшейся уже брошюре «Строй турецкого языка» в сжатом виде приведены ценные наблюдения автора, касающиеся заимствований в турецком словаре, исторических условий их проникновения в турецкий язык, ближайших посредников, способствовавших заимствованиям из территориально более далеких языков.

В той же брошюре впервые был дан историко-семасиологический анализ основных глаголов движения и покоя в тесной увязке с некоторыми реалиями быта тюркских народов, намечены антонимические пары в указанных глаголах и звенья семантического развития других глаголов.

Особое место в научной биографии Н. К. Дмитриева занимает проблема тюрко-славянских языковых отношений.

В тюркологической лингвистике постоянно ощущался недостаток материалов по истории тюркских языков, особенно в области исторической фонетики, поскольку арабское письмо, на котором дошли до нас памятники тюркских языков, весьма несовершенно отражало, а во многих случаях и вовсе не отражало фонетики тюркских языков.

¹⁶ N. K. D m i t r i j e v, On the pronuntiation of the common Turkish «R», JRAS, 1927.

¹⁷ N. D m i t r i j e v, «Th» in the modern Turkish languages, Le Monde Oriental, XXIII, Fasc. 1—3, 1929.

¹⁸ «Этимология слова *laqırdı*», ДАН-В, 1926, июль-август.

¹⁹ См. Н. К. Д м и т р и е в, Турецкие элементы в русских арга, «Язык и литература», т. VII, Л., 1931., стр. 159.

²⁰ ДАН-В, 1926, январь-февраль.

Специальная славистическая подготовка, полученная Н. К. Дмитриевым ранее тюркологической, позволила ему обратиться к славянским языкам и тюркским текстам в славянской транскрипции, как к важнейшему источнику сведений по истории и диалектологии тюркских, особенно южнотюркских языков. Его исследования в данной области имели вместе с тем не меньшее, если не большее значение для славистики, так как ими весьма ощутимым образом пополнился отдел, изучающий влияние тюркских языков на славянские. Из исследований Н. К. Дмитриева на тюрко-славистическую тему здесь должны быть прежде всего названы его «Этюды по сербо-турецкому языковому взаимодействию»²¹, посвященные лексическим и грамматическим турцизмам в сербском языке по фольклорному собранию известного сербского ученого и просветителя Вука Караджича. В первой из опубликованных статей (их четыре) освещены морфологические и синтаксические особенности тюркизмов (будет правильнее сказать турцизмов) в изданиях В. Караджича. В последующих трех статьях Н. К. Дмитриев проследил те изменения, которым подвергся звуковой облик тюркских заимствований на сербской почве.

Теперь, когда уже нет среди нас Н. К. Дмитриева, можно понять, какую невосполнимую утрату понесло советское языкознание, лишившееся компетентнейшего и своего лучшего знатока тюрко-славянских языковых отношений.

К работам тюрко-славистического цикла примыкает также статья Н. К. Дмитриева «Османские глоссы XVI века»²², в которой дан сравнительно-тюркологический разбор турецких фраз и слов из сочинения Бартоломея Георгиевича.

Два других исследования Н. К. Дмитриева, соприкасающиеся с тем же циклом, представляют уже переход к его диалектологическим работам. Первое из них, «Материалы по османской диалектологии. Фонетика «карамалицкого» языка»²³, может по праву рассматриваться в качестве наиболее обстоятельного и законченного из известных в тюркологии диалектологических исследований, выполненных на базе транскрипционного текста. Предисловие к статье имеет принципиальное значение, так как в нем освещен вопрос о транскрипционных текстах для задач сравнительно-исторического изучения фонетики турецкого языка и их роли в хронологизации или периодизации фонетических процессов в тюркских языках.

Второе исследование²⁴ заключает в себе наблюдения над языком загадок и пословиц, записанных у турецких выходцев из Македонии и северной Болгарии.

Из изданий в области диалектологии тюркских языков, принадлежащих перу Н. К. Дмитриева, могут быть еще названы его заметки по азербайджанской диалектологии²⁵, которые вместе с исследованием Н. И. Ашмарина²⁶ составляют начало этой отрасли тюркского языкознания. Диалектологические исследования К. Фоя в области азербайджанского языка²⁷ строились на узком и весьма неполном материале.

Подавляющую часть своих многолетних диалектологических наблюдений в области тюркских языков Н. К. Дмитриев реализовал в трех направлениях: 1) при составлении грамматик по младописьменным тюркским языкам, 2) в своих многочисленных сравнительно-тюркологических

²¹ ДАН-В, 1928, № 2 и 12; 1929, № 5 и 6.

²² ДАН-В, 1926, июль-август.

²³ ЗКВ, т. III, 1928, вып. 2; т. IV, 1930.

²⁴ «Заметки по болгарско-турецким говорам», ДАН-В, 1927, № 10.

²⁵ N. K. D m i t r i j e w, Zur azärbajdschanischen Dialektforschung, WZKM, Bd. XXXVIII, 3 und 4 Hft., Wien, 1932.

²⁶ Н. И. А ш м а р и н, Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи, Баку, 1926.

²⁷ K. F o y, Azerbajĝanische Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen, MSOS, «Westasiatische Studien», VI, 1903; VII, 1904, Berlin.

сопоставлениях, щедро рассеянных в различных работах и обильно привлекавшихся в лекционных курсах, 3) в практике многолетней научно-организационной и консультационной работы в области алфавитов, орфографии и терминологии тюркских языков. Для теоретического тюркского языкознания наиболее важным было первое направление, так как при отсутствии твердо выработанных норм младописьменных литературных языков грамматическое описание последних было невозможно без основных диалектальных форм. Это же обстоятельство полностью сохраняло свое значение в практике научно-организационной и консультационной работы Н. К. Дмитриева.

Исключительны заслуги Н. К. Дмитриева в создании основных научных описаний по тюркским языкам, о которых в дооктябрьской тюркологии были известны лишь отрывочные или случайные сведения. К числу таких языков относятся кумыкский, башкирский, туркменский, гагаузский (грамматически обследованный лишь в советское время) и некоторые другие.

В области кумыкского языка, помимо упоминавшихся выше исследований, Н. К. Дмитриевым были опубликованы материалы по кумыкской фонетике и морфологии²⁸.

Уже после Отечественной войны вышли «Материалы по истории кумыкского языка»²⁹ по копии с рукописи акад. А. Шифнера, сделанной в начале 70-х годов акад. К. Залеманом и впоследствии переданной им проф. В. Д. Смирнову, от вдовы которого копия поступила к Н. К. Дмитриеву.

Наиболее важным трудом Н. К. Дмитриева в области кумыкского языка наряду с «Очерками по кумыкскому синтаксису» (см. выше) является его известная «Грамматика кумыкского языка» (М.—Л., 1940), на которую выше уже делались ссылки. Составленная на основе письменных источников и личных наблюдений автора, накопленных главным образом во время Ногайско-кумыкской (Дагестанской) экспедиции 1936 г. (см. предисловие к книге), «Грамматика кумыкского языка» явилась первым в тюркологии научным описанием этого языка, имеющим вместе с тем и общетюркологическое значение. В книге была детально выяснена структура формировавшегося кумыкского литературного языка, его фонетика и лексика, а также приведены подробные данные о его территориальных диалектах. Н. К. Дмитриевым впервые было установлено переходное в некоторых отношениях положение кумыкского языка между языками огузского и кыпчакского типа.

В области гагаузского языка, исследованного впервые Н. К. Дмитриевым, необходимо назвать две его работы: одну, посвященную фонетике этого языка³⁰, и другую, заключающую в себе его грамматическое и лексическое описание³¹. Обе они основаны на материалах В. Мошкова, опубликованных в 10-м томе радловских «Образцов народной литературы тюркских племен» (СПб., 1904). Известные в науке еще с начала нынешнего столетия материалы В. Мошкова оставались на положении фольклорных текстов и до Н. К. Дмитриева не подвергались исследованию с лингвистической стороны.

В первой из указанных работ Н. К. Дмитриев установил важную для сравнительной фонетики тюркских языков сильную палатализацию гагаузских согласных, приобретающую в этом языке, как и в западно-караимском, фонематическое значение, необычайно широкое распростране-

²⁸ N. K. D m i t r i j e v, *Materialien zur kumükischen Phonetik*, *Le Monde Oriental*, vol. XXIV, Uppsala, 1935; *Morfologia della lingua turca dei cumucci* (Caucaso), *Rivista degli Studi Orientali*, vol. XV, 1934, I, p. 76—96; II, p. 172—198.

²⁹ В сборнике «Языки Северного Кавказа и Дагестана», вып. II, М.—Л., 1949.

³⁰ N. K. D m i t r i j e v, *Gagausische Lautlehre*, I—III, *Archiv Orientalni*, IV, 2, 3, 1932; V, 1, 1933.

³¹ «Гагаузские этюды», «Уч. зап., ЛГУ», № 20, серия филол. наук, вып. 1, Л., 1939.

ние протетического *j* и др. Во второй работе отмечены морфологические, а особенно синтаксические и лексические особенности гагаузского языка, отличающие его от других и в первую очередь от ближайше родственных с ним тюркских языков юго-западной группы. Свое исследование Н. К. Дмитриев рассматривал в качестве «своего рода введения»³² к более обстоятельному изучению этого языка, основанному на новейших материалах.

В области азербайджанского языка Н. К. Дмитриевым были опубликованы отдельные фонетические наблюдения³³. Ему принадлежит также раздел в «Грамматике азербайджанского языка»³⁴, составленной коллективом авторов. В разделе изложено учение об «общих грамматических категориях», которое получило признание среди специалистов на местах и вошло в схему описательных грамматик (см. последние описательные грамматики казахского, якутского и некоторых других языков).

Однако основную часть своих наблюдений в области азербайджанского языка, систематически производившихся в течение двух десятилетий, Н. К. Дмитриев берег для подготавливаемой им большой научной грамматики азербайджанского языка, которая к началу войны была представлена к изданию, но во время блокады Ленинграда погибла вместе с первой редакцией «Грамматики башкирского языка».

Занятия башкирским языком начались у Н. К. Дмитриева еще на студенческой скамье и без перерыва продолжались до самой смерти ученого. Башкирскому языку посвятил Н. К. Дмитриев большую часть своих исследований и лучшее из них — «Грамматику башкирского языка», вместе с другими его фундаментальными трудами ставшую настольной книгой советского тюрколога. Первым опытом исследования башкирского языка был очерк о его фонетике, вышедший в 1927 г.³⁵ Затем появилось его предисловие к «Таблицам по фонетике башкирского языка» Меджида Билялова» (ЗКВ, т. III, вып. 2, Л., 1928), а с 1928—1929 гг. начали выходить в свет исследования Н. К. Дмитриева, опирающиеся уже на материалы, собранные им во время двукратной поездки по Башкирии (1928 и 1929 гг.) в составе экспедиции Академии наук СССР³⁶. Результатами экспедиции 1928 г. были навеяны опубликованные в том же году статья об изучении башкирского языка³⁷ и заметка о собачьих кличках³⁸. За этой заметкой последовали другие работы Н. К. Дмитриева из области башкирской лексикологии, а именно: «Варваризмы в башкирском языке»³⁹, «Арабские элементы в башкирском языке»⁴⁰ и «О парных словосочетаниях в башкирском языке»⁴¹. В первой из них Н. К. Дмитриев установил некоторые закономерности в области заимствований, во второй выяснил фонетические изменения, которые претерпели арабизмы на башкирской почве. В работе затронуты также отдельные факты семантических изменений в арабских заимствованиях. Теоретические установки работы изложены в предшествующей статье, сохраняющей свое значение и поныне.

³² Там же, стр. 32.

³³ «Некоторые вопросы азербайджанского языкознания», «Труды Азерб. гос. университета им. С. М. Кирова», Баку, 1949.

³⁴ «Азәрбајҹан дилинин грамматикасы», I hissə, Баку, 1951, стр. 89—97.

³⁵ «Etude sur la phonétique bachkire», «Journal asiatique», t. CCX, Paris, 1927.

³⁶ Отчеты о них см.: «Краткий отчет о работе лингвистическо-фольклорного отряда экспедиции Академии наук», Уфа, 1928, а также Fəndəg Akademiyahñın lingvistik-folklor byleksəhenep eñe turahñda qəbqasa iñəp birev, журн. «Belem», № 10, 1929, Əfə (на башк. яз.).

³⁷ «К вопросу об изучении башкирского языка», журн. «Белем», Уфа (на башк. яз.).

³⁸ «Собачьи клички у башкир» ДАН-В, № 15, Л., 1928.

³⁹ ЗКВ, IV, Л., 1929.

⁴⁰ ЗКВ, V, Л., 1930.

⁴¹ «Изв. АН СССР, Отд. гуманитар. наук», 1930, № 7.

В своих занятиях Н. К. Дмитриев не оставил без внимания, кажется, ни одного участка башкирского языкознания. Как и в других случаях, в деле развития советской науки и культуры для Н. К. Дмитриева не существовало больших и малых дел. Для него было важно все, что так или иначе содействовало этой центральной задаче всей его деятельности. Поэтому наряду с большими научными предприятиями он находил время и для более скромных начинаний. К числу таких начинаний относится и составленная им «Библиография по башкирскому языку и фольклору»⁴² в помощь начинающим молодым башкироведам, охватывающая дореволюционную литературу по башкироведению.

Итогом более чем двадцатилетних занятий Н. К. Дмитриева башкирским языком явилась «Грамматика башкирского языка», на которую мы уже неоднократно ссылались в настоящей статье. В этом труде, вместе с тем, нашли свое наиболее полное выражение общетюркологические взгляды и идеи ученого, поскольку «в процессе работы автор старался на материале башкирского языка проверить и изложить свои теоретические взгляды на отдельные проблемы грамматики тюркских языков» («От автора», стр. 3).

Отличительной особенностью «Грамматики башкирского языка» является ее строго выдержанный и последовательный сравнительно-тюркологический и сравнительно-исторический аспект. Излагая, например, систему гласных и согласных башкирского языка или времена изъявительного наклонения, Н. К. Дмитриев сообщает читателю все существенно важное из истории этих категорий и об их месте в других тюркских языках, дабы облегчить читателю уяснение их специфики в башкирском языке. В сопоставительных целях Н. К. Дмитриевым привлекаются также данные других языковых семей — индоевропейской (западноевропейские языки, латинский, не говоря, конечно, о русском), финно-угорской (венгерский и др.), благодаря, чему излагаемый вопрос получает у автора широкую лингвистическую интерпретацию.

Тесно связано с отмеченной особенностью труда Н. К. Дмитриева обилие высказанных им идей и соображений общетюркологического порядка, относящихся к природе, истории и тенденциям развития исследуемых в книге многообразных категорий башкирского языка. Многие из этих идей имеют чрезвычайно важное и принципиальное значение для тюркского языкознания и еще ожидают своей разработки.

В «Грамматике Башкирского языка» нашли свою наиболее обобщающую формулировку основные языковедческие понятия и положения советской тюркологии по коренным вопросам грамматики, фонетики и лексики тюркских языков, а также критика некоторых ошибок, допускающихся в практике научной и педагогической работы по тюркским языкам. Хотя книга вышла в годы почти безраздельного господства идей «нового учения» о языке, она с честью выдержала научное испытание в последискуссионное время, и ее автору не пришлось отказаться ни от одного из основных теоретических положений книги.

Особенностью книги Н. К. Дмитриева является стремление ее автора проследить процесс выработки литературных норм башкирского языка и направления этого процесса в различных сферах языка, хотя ученый в этом случае соблюдал свойственную ему научную осторожность и строгость в суждениях, предупреждая читателя, что предлагаемая им грамматика не является нормативной (см. предисловие к книге).

Что касается собственно башкироведческой части труда Н. К. Дмитриева, его материала, то достаточно сказать, что в нем были собраны результаты более чем двадцатилетних разысканий, все наблюдения, накопленные во время двух языковедческих экспедиций в Башкирии и в дальнейшей

⁴² Башкирский научно-исследовательский институт языка и литературы, Уфа, 1936.

работе над башкирским языком. В статье, посвященной памяти покойного ученого, нет возможности, да и необходимости говорить о всем конкретном богатстве его научного наследия, которое, надеемся, еще станет предметом специального изучения в советской тюркологии. В 1950 г. «Грамматика башкирского языка» вышла также на башкирском языке⁴³.

Н. К. Дмитриевым были написаны для Большой советской энциклопедии статьи о башкирском языке⁴⁴.

В один год с «Грамматикой башкирского языка» вышел и другой крупный труд по этому языку — «Русско-башкирский словарь» под редакцией Н. К. Дмитриева, с его же грамматическим очерком башкирского языка, приложенным к словарю.

К числу таких же монументальных лексикографических трудов советской тюркологии принадлежит также «Русско-чувацкий словарь» (М., 1950), вышедший под редакцией Н. К. Дмитриева и вобравший в себя богатства словарного состава современного чувашского литературного языка. К словарю приложен грамматический очерк чувашского языка, написанный Н. К. Дмитриевым и С. П. Горским.

Одной из последних работ Н. К. Дмитриева были опубликованные им совместно с Ф. Г. Исхаковым материалы для научной грамматики хакасского языка⁴⁵, которым Н. К. Дмитриев занимался в последние годы.

Весьма значителен также вклад, сделанный Н. К. Дмитриевым в научное описание языков, имеющих весьма продолжительную историю своего изучения. К числу их относится турецкий, которому Н. К. Дмитриев посвятил много исследований фонетического, грамматического и лексикологического характера, указанных нами выше по ходу изложения.

В последние годы начали выходить в свет исследования Н. К. Дмитриева, посвященные русско-тюркским языковым сопоставлениям и имевшие своей ближайшей целью задачи чисто методического характера. Фактически русско-тюркские сопоставления начались много раньше, едва ли не с первых исследований ученого, в которых он при помощи этого приема вводил своего читателя в мир иных языковых представлений.

В ряде больших исследований, посвященных этой теме, гармонически слились воедино устремления яркого и глубокого исследователя и вдумчивого педагога, обладавшего счастливым даром доносить до своего читателя или слушателя любые положения науки в максимально ясной и доступной форме.

Эти особенности изложения свойственны вообще всем трудам Н. К. Дмитриева. Образцом в этом отношении является его брошюра «Строй турецкого языка» (Л., 1939) с ее замечательным научным лаконизмом, при котором «мыслям просторно, а словам тесно». В небольшой книжке читателю сообщено решительно все наиболее существенное, что характеризует грамматический строй, фонетику и лексику турецкого языка. Вместе с тем значение брошюры выходит далеко за рамки турецкого языка, так как идеи, развитые в ней, в дальнейшем легли в основу других грамматических описаний Н. К. Дмитриева.

Главная часть сопоставительных трудов Н. К. Дмитриева посвящена русско-татарским языковым соотношениям, и потому эти труды должны рассматриваться в качестве исследований покойного ученого в области татароведения, с которым он познакомился еще на студенческой скамье и не порывал активной творческой связи до конца своих дней⁴⁶. К трудам сопоставительного цикла относятся две книги, написан-

⁴³ «Башкорт теле грамматикаһы», Өфө.

⁴⁴ 1-е изд., т. V; 2-е изд., т. IV.

⁴⁵ «Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов», Абакан, 1954, Институт языковедения АН СССР, Хакасский институт языка, литературы и истории.

⁴⁶ Одной из первых работ Н. К. Дмитриева в области татарского языка была его статья «Tatarisch-mischärische Studien», WZKM, Bd. XXXVIII, Wien, 1932.

ные им в соавторстве с В. М. Чистяковым: «Очерки по методике преподавания русского языка в татарской школе» (М.—Л., 1948) и «Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе» (М., 1952), в составлении которых принимала участие также Н. З. Бакеева.

Н. К. Дмитриев был не только тюркологом-лингвистом, но также крупным знатоком тюркского фольклора. В условиях, когда многие литературные тюркские языки еще только складывались, было совершенно естественно обращение Н. К. Дмитриева к фольклору как источнику народно-разговорной речи, собрание и издание фольклорных образцов на мало изученных тюркских языках. Так, появились в 1926 г. тексты и переводы поволжско-татарских песен⁴⁷, которым был предпослан большой очерк об истории издания и изучения татарских песен, о тюркской просодии и метрике, а также о содержании песен. В том же издании было помещено предисловие Н. К. Дмитриева к крымско-татарским песням, записанным О. Шацкой⁴⁸, с анализом особенностей песен в лингвистическом и поэтическом отношениях. Продолжением этой серии явились публикации автора в 1928 г.⁴⁹ и его предисловие к азербайджанским песням на гянджинском диалекте, записанным О. Шацкой. В предисловии даны первое в науке фонетическое описание гянджинского диалекта и сведения об азербайджанском стихосложении. В 1934 г. были опубликованы Н. К. Дмитриевым азербайджанские песни в армянской транскрипции⁵⁰, а в 1939 г. вышли турецкие⁵¹ и в 1941 башкирские сказки⁵² с большим предисловием Н. К. Дмитриева, заключающим в себе лингвистический и литературоведческий анализ сказок. Перу Н. К. Дмитриева принадлежат также работы по туркменскому фольклору (предисловие к «Туркменским народным сказкам Марыйского района», М.—Л., 1954; см. также *Islamica*, VI, 1934).

Результатом занятий Н. К. Дмитриева славянским фольклором явился перевод «Сербских народных сказок» Вука Караджича, который в 1942 г. был принят к печати, но остался неопубликованным.

Н. К. Дмитриев постоянно и живо интересовался историей отечественной филологии и особенно тюркологии. Это была одна из постоянных тем, которая поручалась им его многочисленным аспирантам на первом этапе их занятий. На эту же тему неоднократно выступал с докладами и статьями и сам ученый. Здесь можно напомнить его доклад о трудах русских ученых в области тюркологии⁵³, далее доклад о А. М. Селищеве и тюркской филологии⁵⁴. Ему же принадлежит большая и глубокая по анализу статья о роли выдающегося татарского просветителя Каюма Насыри в истории татарской филологии⁵⁵. Одной из первых работ Н. К. Дмитриева была также статья по истории тюркологии⁵⁶.

Большую и разностороннюю научно-исследовательскую работу

⁴⁷ «Chansons populaires tatars», I. Les chansons populaires tatars et leur formation. «Journal asiatique», CCVIII, № 2, Paris.

⁴⁸ «Chansons tatars de Crimée, recueillies et traduites par M-me O. Chatskaya, avec introduction de N. K. Dmitrijev», там же.

⁴⁹ «Chansons populaires tatars», «Journal asiatique», CCXII, № 2, Paris.

⁵⁰ «Azerbajdschanische Lieder in armenischer Transkription», WZKM, Bd. 41. Hft. 1-2, Wien.

⁵¹ «Турецкие народные сказки», Л.

⁵² «Башкирские сказки», Уфа. Из более ранних публикаций по башкирскому фольклору см. его же «Canzone dei bashqiri sulla Campagna contra Napoleone in Francia nel 1814», «Rivista degli Studi Orientali», vol. XIV, 1934.

⁵³ «Труды русских ученых в области тюркологии», «Уч. зап. МГУ», вып. 107, т. III, кн. 2, 1946.

⁵⁴ «А. М. Селищев и тюркская филология», «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 4, 1947.

⁵⁵ «Каюм Насыри как филолог», Казанский филиал АН СССР, Институт языка, литературы и истории, «Каюм Насыри» (1825—1945) (Материалы научной сессии, посвященной 120-летию со дня рождения), Казань, 1948.

⁵⁶ «Проблемы и достижения боснийской тюркологии», ЗКВ, Л., 1926.

Н. К. Дмитриев сочетал с кипучей деятельностью организатора научной работы, педагога и воспитателя молодых научных кадров. Н. К. Дмитриев был врагом кабинетной работы и всегда был тесно связан с культурной жизнью бурно развивающихся тюркоязычных республик и областей, живо откликаясь на нужды и запросы школы и науки на местах. Можно сказать, не боясь преувеличения, что в огромной степени усилиями Н. К. Дмитриева были созданы кумыкская, башкирская, туркменская, азербайджанская и чувашская ветви тюркского языкознания, как самостоятельные очаги научного языкознания на периферии. Усилиями Н. К. Дмитриева внедрялись на местах современные методы филологической работы, в частности при его руководящем участии был осуществлен переход тюркской диалектологии на современные методы в Туркмени, Башкирии и Дагестане, где он возглавлял диалектологические экспедиции, соответственно, в 1930 г., 1928—1929 гг. и 1936 г. О технике диалектологических обследований, применявшихся в экспедициях, руководимых Н. К. Дмитриевым, можно судить по его выступлениям в печати в указанные годы⁵⁷.

В течение 16 лет (1925—1941) Н. К. Дмитриев был тесно связан с Ленинградским государственным университетом и Восточным институтом, в которых он руководил кафедрами тюркской филологии. В огромной степени его энергией и усилиями было впервые организовано при Филологическом факультете Московского государственного университета Восточное отделение, бессменным руководителем которого Н. К. Дмитриев оставался до последних дней своей жизни.

Крупная заслуга принадлежит ему также в организации научной работы в области методики преподавания русского языка в тюркской школе, развернувшейся в Институте нерусских школ и затем в Институте методов обучения Академии педагогических наук РСФСР.

В течение ряда лет Н. К. Дмитриев был руководителем и лектором башкирского, казахского, кумыкского, туркменского и других тюркских отделений Курсов редакторов-переводчиков произведений классиков марксизма в Москве и Ленинграде (1934—1937).

За 30-летнюю педагогическую деятельность Н. К. Дмитриевым было создано и прочитано большое число университетских курсов. В Ленинградском государственном университете им были созданы и читались: 1) введение в тюркологию; 2) сравнительная грамматика тюркских языков; курсы по 3) турецкому, 4) туркменскому; 5) азербайджанскому, 6) кумыкскому языкам; курсы по 7) турецкой и 8) туркменской диалектологии, 9) по истории турецкого языка, 10) тюркской палеографии и другим предметам.

Курсы по диалектологии и конкретным тюркским языкам читались Н. К. Дмитриевым и в ряде других городов: Уфе, Пятигорске, Симферополе, Баку, Махачкале, Казани, в которых ученый выступал также с докладами по другим вопросам тюркологии, начиная с 1928 г.

После языковедческой дискуссии 1950 г. Н. К. Дмитриев выступал с докладами и статьями, посвященными перестройке и улучшению научной и учебной работы⁵⁸.

Исключительны заслуги Н. К. Дмитриева в деле подготовки научных кадров в области тюркологии. Под его руководством прошли аспирантуру и успешно защитили кандидатские и докторские диссертации в центре и на периферии многие десятки представителей тюркских народов.

⁵⁷ «О методике изучения крымско-татарских диалектов и фольклора», «Экономика и культура Крыма», 1933, № 9-12; см. также: «Крымская языковая экспедиция», «Революция и письменность», М., 1936.

⁵⁸ См. «Преподавание родного языка в национальной школе на основе трудов И. В. Сталина», «Изв. Акад. пед. наук РСФСР», 40, 1952; см. также: «Постановка курса «Введение в языкознание» в национальных вузах СССР», «Советское языкознание», № 1, 1953.

Ведущие тюркологические кадры центральных и местных лингвистических учреждений в основной своей части являются учениками Н. К. Дмитриева. Его ученики работают в Москве, Ленинграде, Баку, Ашхабаде, Алма-Ате, Фрунзе, Ташкенте, Самарканде, Казани, Уфе, Махачкале, Чебоксарах, далеко в Якутске, Абакане и других городах. Среди них действительные члены и члены-корреспонденты союзных академий, доктора наук и профессора, крупные деятели в области культуры и просвещения.

Многие годы Н. К. Дмитриев был неизменным консультантом по самым разнообразным вопросам научного и прикладного языкознания в тюркоязычных республиках и областях. К его авторитетным советам постоянно обращались лингвистические учреждения на периферии, обращались как начинающие, так и зрелые тюркологи-лингвисты. Громадное большинство проектов новых алфавитов и орфографий для тюркских языков или же поправок к действующим сводам, вопросы терминологии и т. д. получали свою окончательную научную апробацию при неизменном участии Н. К. Дмитриева. Трудно назвать какой-либо существенный вопрос из области языковедческой практики на местах, в разрешении которого не было бы весьма заметной доли труда Н. К. Дмитриева.

Обширная и разносторонняя эрудиция, исключительная внимательность и чуткость к людям, верность и принципиальность в отношениях с товарищами по работе и науке, высокая честность и преданность своему долгу снискали Н. К. Дмитриеву искреннюю любовь и уважение в обширной семье советских тюркологов и востоковедов, ныне потерявших своего выдающегося учителя и соратника.

Н. К. Дмитриев был ярким воплощением нового типа ученого, советского ученого, органически связанного с практикой, в своей деятельности исходящего из запросов развития социалистической культуры многочисленных республик и областей. Таким он и останется в памяти советских востоковедов, которые навсегда сохранят светлый образ большого ученого и гражданина, мудрого учителя и чуткого друга, превыше всего ставившего в своей жизни священный долг перед Родиной и наукой.
